

Философия, теория, история государства и права

УДК 340. 125: 340.142

DOI: 10.51635/27129926_2021_2_59

ГРУЗДЕВ Владимир Сергеевич

старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории
государства и права, кандидат юридических наук,
Институт государства и права РАН, Россия, г. Москва

ФРАНЦУЗСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ (СОЦИАЛЬНО-ПОЗИТИВИСТСКИЙ) ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗМ

Аннотация. В статье рассматривается специфика, содержание основных проблем и направлений развития французской юридической мысли с точки зрения формирования реалистического направления в правоведении. Проблема реализма в юриспруденции в ряде современных исследований представляется односторонне и неточно, а именно как редуцированная до набора региональных школ США и скандинавских странах. Исследования истории правовой мысли «эпохи реализма» XIX в. в классической европейской традиции позволяет однозначно прояснить неточности такого подхода. Наряду с другими типами, одним из важных направлений правового реализма была французская литература – от энциклопедистов и до теоретической концепции «умеренного правового реализма» Ф. Жени. В исследовании проясняются некоторые важные аспекты в отношении философско-методологических оснований реализма в юриспруденции, анализируются оригинальные иностранные источники.

Ключевые слова: французская юридическая мысль, правовой реализм, метафизика, правопознание, правовая реальность, Жени, Тэн, Конт, Леви-Брюль.

Для цитирования: Груздев В.С. Французский социологический (социально-позитивистский) правовой реализм // THEORIA: педагогика, экономика, право. 2021. № 2 (3). С. 59-69. DOI: 10.51635/27129926_2021_2_59

Проблема реализма в юриспруденции, равно как в целом в области социального познания, теснейшим образом связана с историей социальной и юридической мысли во Франции. Достаточно обратить внимание на идеи французских энциклопедистов, взгляды Ш. Монтескье, А. Сен-Симона, О. Конта и ряд других авторов, как вопросы использования реалистического подхода в области правопознания и правопонимания, реконструируемые и как проблема истории правовой мысли, и как теоретико-методологическая проблема, дополняются многими существенными пояснениями и аргументами, которые значительно полнее отражают объективную эволюцию реализма в юриспруденции.

Прежде всего, развитие реалистического подхода к праву в истории французской юридической мысли связано с формированием социологии права и использованием социологической (социально-позитивистской) аргументации в юридической науке. Поэтому французский правовой реализм, в отличие, например, от исторического немецкого, в значительной степени был социологическим.

В отечественной юридической литературе тема истории социологического направления в области правопознания и правопонимания, генезиса французской социологии права остается по-прежнему малоизученной. Среди немногих достойных внимания работ по данной проблематике можно назвать лишь исследования Д.И. Луковской [4], В.Г. Графского [2].

Французские мыслители и юристы еще на рубеже XVIII–XIX вв. обратились к проблеме реализма в юриспруденции. Значительную роль в формировании реалистического подхода к праву во французской литературе сыграли работы энциклопедистов. П. Деларов писал: «Реализм достиг последних пределов своего развития в философии энциклопедистов, значение которых заключается не только в том, что они популяризировали английскую, реалистическую философию, но и в том, что они проводили ее далее, до ее конечных результатов. Нет ни одного положения позднейшего философского реализма, которое не было бы до этого высказано энциклопедистами XVIII в.» [3, с. 24].

Одним из наиболее очевидных сторонников реализма в области социального познания, нацеленного на объяснение окружающей действительности, был французский мыслитель начала XIX в. Сен-Симон, так как именно на период после 1802 г. приходится его основное литературное творчество. Проблемы социальной теории стали предметом его живого интереса лишь после того, как он, растратив свое состояние, стал нищим. Академик В.П. Волгин писал: «Сен-Симон был склонен толковать всю свою жизнь до 1802 г. как ряд сознательно проделанных опытов, которые были ему необходимы для того, чтобы приступить во всеоружии понимания окружающей действительности к построению системы» [5, с. 7]. Он же подчеркивал, что французскому мыслителю было свойственно глубокое понимание социальной действительности и задач социальной науки [5, с. 8].

В отличие от энциклопедистов предшествующего века, целью Сен-Симона было создание новой философской концепции, в которой должны были найти отражение обобщающие характеристики, полученные от других точных наук. Если энциклопедисты в своем крайнем реализме скорее способствовали разрушению прежних порядков, то у Сен-Симона уже читается устремленность на обоснование создания новой социальной системы. Центральной смысловой единицей философской концепции Сен-Симона должна была стать наука о человеке, которая как социальная наука, подобно естественным наукам – химии, физике и астрономии, – предполагалась как «позитивная» область научного знания, а основным методом познания должно стать изучение фактов и наблюдений.

Именно во Франции программа позитивной философии была впервые теоретически сформулирована. Философский позитивизм стал в последующем одной из основных платформ для разработки юриспруденции как теоретической науки. Юма, как предшественника позитивизма, упрекали в том, что он сделал центральным в познании понятие опыта, но не сформулировал принципов, которые могли быть стать основой эмпирической науки. Эту задачу попытался решить ученик Сен-Симона О. Конт. С точки зрения философского позитивизма, наука выступает за познание «фактов», которые есть позитивное, данное, постижимое. Она обращается против «химер», против «априорного мышления», против спекуляций как науки, т. е. ее основной оппонент (фальшивая, спекулятивная) метафизика. О. Конт использовал для наименования новой философии название «позитивизм», суть которого – изучать «фактическое (le réel) в противоположность воображаемому» [9, S. 31].

Исследователи творчества О. Конта обращают внимание на то, что ссылка на факты как основание науки, а соответственно отрицание метафизики, не случайно легли в основу естественно-научной парадигмы социального познания, так как позитивизм во Франции появился не из Сорбонны, которые в начале XIX в. совсем не имела авторитета в изучении естественных наук, а из Политехнической школы, которую и закончил О. Конт и в которой позже трудился в качестве экзаменатора и репетитора [18, S. 1].

Позитивная философия О. Конта рассматривалась не только как движение против ложной метафизики, но она отвергала также и эмпиризм, под которым понималось лишь собрание фактов. Ошибочная интерпретация часто приводила к тому, что «важный принцип мышления», «надлежащее подчинение силы воображения наблюдению» подвергался злоупотреблениям, что не позволяло действительную науку освободить бесполезного нагромождения бессвязных фактов. Настоящий позитивный дух, как полагал О. Конт, отсутствует равно в эмпиризме, как и в мистицизме.

О. Конт писал о позитивизме, что он устранил системы, которые хотят вернуть науку к накоплению несоизмеримых фактов. В законах явлений существует в действительности наука, для которой собственно факты, как бы точны и многочисленны они ни были, всегда обеспечивают только незаменимое сырье [8, S. 35].

Существенный вклад в разработку основных принципов философского позитивизма внесли в последующем британский философ Г. Спенсер и Д. Милль. Речь идет среди прочего о таких важных в данном случае аспектах, как различие «субъективных фактов» и «объективных фактов», коррелятивность субъекта и объекта, вера в факты и другие аспекты.

Однако реализм в позитивизме был окончательно сохранен только благодаря тем теоретическим конструкциям, которые в итоге обратили его значение в противоположное. Согласно Г. Спенсеру, «реализм, от которого мы уже не можем уклониться, ... так устроен, что он просто утверждает объективное существование как отдельное от субъективного существования и независимое от одного и того же. Только он не утверждает ни того, что какая-либо форма этого объектного существования в действительности является тем, чем она представляется нам, ни того, что связи между ее формами или модификациями объективно установлены так, как они появляются. Таким образом, он полностью отличается от грубого реализма, и чтобы четко подчеркнуть это различие, его, вероятно, можно было бы уместно назвать «преображенным (просветленным) реализмом» [19, S. 511].

Философский позитивизм ни французских социальных философов, ни их британских коллег не мог удовлетворять в полной мере требованиям построения науки, в частности юриспруденции, как науки о фактах. Восходящая к учению Юма идентификация «представлений», «ощущений», «чувств», «идей», «веры», «познания» привела в позитивизме к отождествлению телесного и духовного существования, субъекта и объекта, предметов и восприятия. Последствием этого было то, что существующее не могло распознаваться как реальное существование, как существующее до его восприятия и до всякого мышления, либо как независимое от них обоих. Согласно позитивистской гносеологии, на место фактов поставлены «ощущения», которые должны быть идентичны одновременно с «ощущаемыми предметами», и в этом смысле они рассматриваются как «явления». Поэтому неслучайно в позитивизме видели не достаточное основание для обоснования юриспруденции как науки о фактах, а, напротив, основание для отрицания фактов – негативизм [11, S. 144]. Таким образом, ввиду того, что философский позитивизм, утверждая существование «фактов», внутренне как раз

отрицал их существование, понятие «факта» было в значительной степени фальсифицировано. По существу, на место эмпирических фактов заступили метафизические абсолютные факты, что привело в итоге не к возникновению науки о фактах, а к тому, что философский позитивизм нередко превращался в метафизическое почти религиозное учение о необходимости ложных фактов.

На рубеже XIX–XX вв. во французской юридической литературе появляется ряд исследований Франсуа Жени, с именем которого связана значительная модернизация юридической теории Франции в первой четверти XX в. Его работы имели большую популярность и за пределами Франции, особенно в США. Он был сторонником так называемого «нового движения в науке права», а именно на него оказали влияние взгляды французских позитивистов, Р. Иеринга, социолого-правовые проекты последней четверти XIX века. Его основные работы – это «Наука и техника позитивного частного права» [12–16] в нескольких томах и более ранняя работа «Метод интерпретации и источники в позитивном частном праве» [12].

Ф. Жени яркий представитель французского правового реализма, основанного на социологической традиции и аргументах. Его философскую концепцию можно было бы обобщенно назвать, используя терминологию самого автора, как философию «здравого смысла». В этом тезисе он видел предпосылку понимания роли и смысла философии в смысле лебницевского *philosophia perennis*, что должно было стать лейтмотивом философии позитивного права. Иными словами, за основу берется некая идущая из глубинны веков установка на поиск истины, получившей всеобщее распространение.

Собственный подход он также характеризовал как «умеренный реализм» («*réalisme modéré*») [14, p. 74]. По мнению этого ученого, развитие юридической науки – как философии здравого смысла – происходит под влиянием «спонтанного действия» внимания человека, и она совершенствуется «посредством постоянной интеграции результатов коллективного опыта», почти автоматически возникая в сознании любого культурного человека, который, следуя цивилизационному процессу эволюции, умеет мыслить и управлять жизнью.

Ф. Жени подробно разъяснял принципы философии, на которых должна основываться наука и техника позитивного права. Эти

принципы в совокупности формируют сформулированную им концепцию умеренного реализма, составляющую основную стержневую основу всей системы его правовых социально-научных взглядов.

«Доминируя над требованиями природы, которые выявляются в ходе обычных наблюдений и опыта, она [философия здравого смысла] постоянно поддерживала, вопреки ложным или заманчивым предположениям, от которых она только усиливает и ослабляет свои первоначальные данные, основные истины, о том, что человечество всегда жило и работало: *умеренный реализм* [курсив мой. – В.Г.], который, не отрицая ценности идеи, удерживает перед ней сущности, внешние по отношению к разуму» [14, р. 74]. Другими важными характеристиками умеренного реализма в философии, согласно Жени, являются: - дуализм познающего субъекта и познаваемого объекта, без которой любая попытка проникновения в вещи губительна по своей сути; - объективность знания, проявляющаяся, по крайней мере, совпадением представлений у всех мыслящих существ; - непогрешимость логики, построенной целиком на идее непротиворечивости; - уверенность, вытекающая из принципа абсолютного тождества и других принципов, необходимых для руководства рациональным знанием: принцип достаточной причины (все, что есть или делается, имеет свое обоснование) и его производные; принцип причинности (все, что начинает существовать, имеет причину); принцип закономерности (при одних и тех же обстоятельствах одни и те же причины всегда порождают одни и те же последствия); стремление к одной только разумной цели, способной дать смысл миру; - к этому также для моральной сферы добавляется принцип долга, основанный на различии добра и зла, выявленном сознанием, направляющим волю человека, удерживаемым свободным, несмотря на детерминированные иллюзии» [14, р. 74].

Следует отметить, что в литературе, посвященной разъяснению и анализу взглядов Ф. Жени, встречаются неточности. Так, например, некоторые авторы обозначают довольно критически подходы Жени как «современный реализм», ошибочно полагая, что французский юрист говорил о «современном» реализме [21, р. 458]. Его концепция в оригинале называется «умеренный реализм», и именно в такой характеристике имеет вполне конкретное содержание и развернутое логическое обоснование.

В качестве предпосылок для формирования «философии здравого смысла» или «умеренного реализма» Жени называет два направления в современной философии и науке, которые по-прежнему находились в состоянии кризиса «генезиса и эволюции».

«Одно из этих движений связано с тем, что в последние годы охотно называют «новой философией», понимаемой не в смысле раздражающего *прагматизма*, который полностью упраздняет знание в пользу действия - плохо определенного, беглого, бросающего вызов любому фиксированному правилу, а скорее как отношение, которое, объединяя действие с мыслью, стремится ограничить его с помощью критики, бесконечно нюансированной и гибкой, ...» [14, р. 75-76]. К этой группе мыслителей и ученых Жени относил: О. Конта, Э. Ренана, И. Тэна, Ф. Равессона, Э. Бутру. А. Бергсона, Э. Ле Роя, А. Пуанкаре и др. Такое направление «новая философия», ищущее компромисс в отборе приемов познания многообразия социального опыта и его рационального осмысления, по мнению Жени, было «слишком смешано с разнородными элементами, слишком затруднено сопротивлениями и ударами, слишком мало зафиксировано в его окончательных линиях, и, говоря по правде, слишком далеко от его завершеного развития, чтобы в настоящее время быть изложенным с необходимой твердостью и точностью» [14, р. 75]. Однако вместе с тем результаты этого направления философии берутся Жени за основу построения методологии правовознания и правовопонимания – *умеренного правового реализма*, общий смысл которого состоит в методологическом обеспечении познания социальной правовой действительности.

«Новая философия» фокусируется на том, что мир состоит из постоянно меняющихся сущностей, а не неподвижных элементов. Она резко отрицательно относится к «дискурсивным процессам» как средствам познания, так как они искажают действительность (как подменные ступени лестницы с пологим уклоном), и также решительно критикует чистые понятия, которые воспринимают вещи только фрагментами и представляют их в виде застывших и твердых форм, неспособных выразить их разнообразие, текучесть, суть [14, р. 80].

Характеристика постулатов «новой философии» была связана с положениями о том, что скованность интеллекта следует дополнять и исправлять с помощью инстинкта, чтобы с

помощью своего рода интеллектуальной симпатии разгадать тайну мира. Особенно А. Бергсон выгляди в этой связи одним из основных выразителей такой гносеологической устремленности. Далее «новая философия» учит, что недостатки концептуального анализа следует восполнять с помощью обычных умноженных, разнообразных, метафорических взглядов, которые дает нам внутренний опыт, не только раскрывающий вещи, но и информативный и созидающий одновременно. «С этой целью «новая философия» выступает под влиянием более тонкого способа познания, чем чистый интеллект, который, поселившись в самой сердцевине реальности, проникнет в нее, так сказать, изнутри, и, увлекшись ею, последует за ней в своем непрестанном движении. Таким образом, она подменяет понятие истины, основанное на принципах и, следовательно, фиксированное, устойчивое, понятию истины, составленному из элементов, истинных по своей природе, истины, имманентной самим вещам, как таковой, изменчивой, текучей, постоянно развивающейся и полностью оправдывающей себя только в успехе. В конечном счете она стремится продлить или даже растворить знание в самом действии, делая его решающим критерием социальной и индивидуальной жизни» [14, р. 83]. В целом, безусловно, Жени давал верную оценку тем основным тезисам, которые характеризовали развитие позитивистской философии во Франции и не только в «эпоху реализма». Но встречаются, однако, такие характеристики, которые вызывают сомнения в их обоснованности. Например, у Жени О. Конт помещен в обе группы основных направлений развития философской и социальной мысли. В контексте «новой философии», о которой писал Жени, в частности Конта нельзя отнести к тем, кто признавал значение внутреннего опыта, в отличие, например, от И. Тэна. О. Конт отрицал внутренний опыт в принципе, называя его «фундаментальным софизмом», «чистейшей иллюзией», «методом, безусловно ничтожным в принципе» и т. д. Для него единственно верным способом изучения логических закономерностей сознания было, во-первых, исследование анатомии и физиологии, а во-вторых, «изучение действительного хода человеческого сознания в движении, путем рассмотрения приемов, фактически употребляемых им для того, чтобы добыть те разнообразные, точные сведения, которые он уже приобрел» [8, р. 31-32]. Иную направленность

имел психологизм И. Тэна, который рассматривал весь ход человеческой истории сквозь призму зарождавшейся психологии и в этой связи утверждал, что «историк изучает прикладную психологию, а психолог изучает общую историю» [20].

И. Тэн писал: «...злоупотребляя анализом, традиционные процессы интерпретации мира преувеличили разложение мира» [20, р. 81]; «... нельзя сводить работу ума над вещами к той поверхностной оболочке, которая лишь прикрывала бы пустоту. ... Обращаясь более непосредственно к проблеме, Х. Пуанкаре, показав опыт, лежащий в основе всех конструктивных операций науки, тем самым уничтожал произвольный аспект и признавал истинную реальность в отношениях между вещами, которые, будучи единственно возможными объектами познания, точно так же представляют себя у различных мыслящих существ» [20, р. 84].

Второе направление философии, которое в контексте умеренного реализма Жени признается значимым, но также недозавершённым, – школа научной социологии, начатая О. Контом, развитая далее Г. Спенсером и, наконец, основательно переработанная Э. Дюркгеймом и другими авторами. В контексте развития этой теоретической и методологической школы, опирающейся на практику, происходит, как подчеркивал Жени, «коренное ниспровержение традиционных основ морали». Для социологической школы право представляет собой не что иное, как область морали, которая рассматривается в социальном аспекте. В основе этой школы лежит постулат позитивистского и детерминистического агностицизма. Соответственно, она стремилась установить мораль вне всяких метафизических принципов и сформировать систему этики, во всяком случае достаточную для удовлетворения потребностей человечества, не прибегая к идеям высшего происхождения или цели, используя только факты общественной жизни, уловимые в чистом наблюдении.

Как подчеркивал Жени, такой подход к праву предполагает признание существования «нравственной природы», которая по своей сущности идентична «физической природе», и которая, в этом сходстве или подобии, может оставаться объектом познания, а само познание допустимо при этом осуществлять исключительно «научными средствами». Логическим следствием такого подхода является установка на то, что в качестве науки не может

рассматриваться любая категорическая нормативная (или теоретическая) мораль, а признается лишь фактическая практическая мораль, опирающаяся на позитивный эмпиризм. В этой связи утверждается исключительная роль социального наблюдения для целей формирования «научной морали».

По мнению Жени, подобная тенденция «настойчиво поражает». Так, в частности, он писал: «В самом деле, в то время как «физическая природа», которая сама по себе не является ни хорошей, ни плохой, раскрывается только для того, чтобы удовлетворить потребности, неотъемлемой частью которых она является, «нравственная природа», как ее называют, чтобы подчинить поведение человека правилам, которые ограничивают свободу и часто противоречат инстинктам, предполагает необходимость идеала, превосходящего наблюдаемую материю, постулирует ценностные суждения, чуждые просто констатации фактов, и предполагает цель, которую позитивная наука бессильна определить» [14, р. 91].

Л. Леви-Брюль, будучи одним из сторонников такой социологической морали, тем не менее вынужден был признавать, что существуют некие цели, которые «настолько универсальны и инстинктивны, что без них не могло бы быть и речи ни о нравственной реальности, ни о науке этой реальности, ни о применении этой науки» [17, р. XV].

Жени полагал, что признание неких универсальных и инстинктивных целей со стороны сторонников социологической морали «внезапно разрушает весь фейерверк прежних отрицаний». Оговорками о универсальных и инстинктивно присутствующих целях или иных факторах, которые служат ограничением произвола и критерием определения нравственного и дурного, французская социологическая школа оставляла открытой дверь для метафизических конструкций. Ф. Жени, отмечая это обстоятельство, писал: «... голое наблюдение по-прежнему бессильно обеспечить правила, определяющие направление нравственного поведения, и что в результате, какой бы плодотворностью ни были процессы чисто «научного» исследования (*hoc sensu*), нельзя, не опираясь на более высокий источник убеждения, претендовать либо на оценку результатов наблюдаемых фактов, либо на руководство, соответственно, усилиями человечества» [14, р. 91].

Отталкиваясь от анализа положительных и отрицательных сторон основных актуальных

направлений философской мысли своей эпохи, имея в виду прежде всего влияния естествознания, юмизма, позитивизма, школы свободного критического анализа или эмпириокритицизма, феноменологической школы – обобщенно «нового философии», – а также научной социологии, Жени предлагал удерживать познание в рамках умеренного реалистического взгляда на мир в целом и право в частности.

Так, для изучения «нравственной природы» он полагал вполне возможным использование метода наблюдения, допуская также в духе «натурализации» социального познания и строго научное изучение «нравственной природы» как явления, подобного «физической природе». Научный подход к вопросам морали в русле представлений Жени может привести к получению «самых объективных результатов», что может быть предпосылкой компромисса «умов», т. е. приобрести общее согласие, так как такой путь получения знаний основан на позитивной методологии. Иными словами, именно научное понимание и объяснение «нравственной природы» приведет либо к объективным результатам, либо к общему согласию в этом вопросе. Причем, по мнению Жени, полученные результаты при применении строго научного познания «нравственной природы» должны быть приняты лишь исходя из значения метода, т.е. независимо от того, «согласуются ли они с нашими предварительными представлениями или традиционной практикой». Важно при этом, чтобы сохранялся реалистический подход к праву и правопознанию. Идеалы и вариации субъективного идеализма, ограничения юридической, равно как и вообще социальной, гносеологии исключительно сознанием для социологического научного правового реализма Жени были недопустимы. Он, в частности, подчёркивал, что следует приветствовать «любые искренние и серьезные усилия, прилагаемые с целью «десубъективизации» морали и права, как и ... то, чтобы, насколько это возможно, обеспечить им самые прочные основы» [14, р. 93]. В этой связи он охотно присоединялся к точке зрения, что нравственные науки, включая и юриспруденцию, должны, подобно наукам о физической природе, развиваться в направлении несомненной позитивности.

Значимым постулатом для определения задач юридической науки для реализма Жени было методологическое уточнение, которое сформулировано и обосновано в работах Л.

Леви-Брюля, а именно речь идет о методологическом противопоставлении науки о нравах рациональному нравственному искусству [17, р. 255-285]. В соответствии с этим методологическим уточнением и различием науки и искусства, проблема правопознания выглядит следующим образом. С одной стороны, исследование «нравственной природы» опирается на строго научные методы и приемы познания, либо оно может дополняться более глубокими, но менее точными способами убеждения. В любом случае это всегда будет спекуляцией теоретического характера и стремлением определить, что такое «нравственная» (или «социальная») природа, как она нам дана, в статическом или динамическом состоянии. Такова роль, такова собственная цель науки о нравах, утверждал Ф. Жени. С другой стороны, результаты теоретического исследования необходимо должны быть адаптированы к конкретной жизни, они должны давать возможность вывести из проведенного исследования правила, которые действительно могут управлять поведением человечества в смысле, постулируемом законами «нравственной» (или «социальной») природы. В этом случае это уже искусство, а не наука, а именно, как отмечал Л. Леви-Брюль, речь идет о рациональном нравственном искусстве.

Для того чтобы соблюсти предлагаемый Л. Леви-Брюлем и Ф. Жени методологически правильный подход и достигнуть эффективных результатов вследствие обособленного применения соответствующих познавательных процедур, нужно иметь в виду также необходимость адекватного подбора средств правопознания. В данном случае речь идет о телеологической характеристики правопознания и социального познания в целом. Смысл соответствующих разъяснений заключается в том, чтобы понимать познание не как цель вообще, а рассматривать его в телеологической парадигме, имея в виду цель, которую необходимо достичь или для достижения которой необходимо продолжить работу, а также обеспечить отбор подходящих средств. Соответственно, для установления юридических правил необходимо в первую очередь учитывать объективные элементы, которые позволяют знать социальный мир. Далее, в случае необходимости могут быть использованы внутренние познавательные ресурсы, которые дополняют выводы, полученные опытным путем, – интуиция, вера, убеждение. Наконец, основываясь на по возможности

полной и оценки объективных и субъективных данных о социальном мире и релевантных психологических и иных связанных с внутренним сознанием человека факторов, следует иметь в виду цель, для которой устанавливаются правила, и средства, с помощью которых можно обеспечить эффективное достижение соответствующей цели. Только таким образом, как полагал Ф. Жени, можно обеспечить претворение устанавливаемых правил в жизни, перевести их из области полномочий в конкретное действие, приспособить их к жизни, к ее конкретным требованиям и ее структуре, к непрерывно протекающим в жизни процессам, совершая процессы применения права.

Соответственно, для первого объекта юридической гносеологии, согласно Жени, удачным является понятие знания, а для второго – действия. Это различие само по себе, уверял Ф. Жени, отражает лишь разнообразие тенденций в осуществлении человеческих способностей, действия и знания, которые неразрывно связаны друг с другом и проникают друг в друга, но дело еще и в том, что, не вмешиваясь в действие, знание остается неспособным вывести естественные законы из правового порядка, и, наоборот, знание должно постоянно поддерживать действие в усилиях, необходимых для реализации, когда-то признанных правовых норм [14, р. 96].

В основе юридической науки может и должна быть, согласно Ф. Жени, эпистемология математических и физических наук, которая в русле естественно-научной парадигмы научности в целом наиболее удачно фиксирует то общее в познании и его принципах, что является общим у всех наук.

Первичным звеном или этапом возникновения проблемы права, по мнению Ф. Жени, является психологический компонент. Речь идет о том, что при определении права собственности или обязательств из договора, разрешении правовых споров в первую очередь рассматриваются эмоции, чувства или наклонности (желания, склонности, страсти), убеждения или волеизъявления, инстинкты или привычки, короче говоря, как уверял Жени, «психологические реалии, которые переводятся в потребности или интересы (экономические, моральные, религиозные и т.д.), которые, несомненно, имеют отношение к чувственным вещам, но находятся в другой более высокой сфере» [14, р. 111]. «Подобные элементы, – писал Ф. Жени, – могут быть введены только через их

представление в сознании. Это происходит с помощью образов, постепенно превращающихся в идеи, которые будут подсказаны вниманием, сохранены памятью, оплодотворены способностями ассоциации и воображения, упорядочены и иерархизированы всеми способами отраженного интеллекта. Такова, в некотором роде, первая стадия интеллектуальных операций развития права, центр которой, по видимому, *проявляется в представлении в идеях интересов, вытекающих из психологических реальностей, и их уравнивании*» [14, р. 111]. Это, по мнению Жени, и есть собственно понятие права. По существу, речь идет о том, что интересы и потребности, как выражения психологических реалий бытия человека, рационализируются и упорядочиваются с помощью интеллекта. Так вот собственно понятие права образует фиксация в виде идей интересов, обусловленных психологической жизнью человека, и разграничение, уравнивание этих интересов. Для Ф. Жени правовое значение и соответствующее им понятие рационализованные и упорядоченные интересы, обусловленные психологическими реалиями, приобретают только тогда, когда речь идет об их оценке и уравнивании. Для установления баланса интересов, – «высшая миссия позитивного права» (как уверял Ф. Жени), – от ума требуются суждения в философском смысле этого слова.

Тема и проблематика психологической обусловленности интересов как основной смысловой единицы понятия права впервые в юридической науке была разработана Р. Иерингом. Работы В.С. Горбаня содержат глубокий и подробный анализ этих вопросов [1]. В дальнейшем проблему права как компромисса интересов сформулировал А. Меркель. Следом за ним эту тему подхватил Н.М. Коркунов. И даже у Б.Н. Чичерина позже содержится такое разъяснение задач философии права, что основная задача и назначение последней заключается в установлении философского масштаба оценки и разграничения интересов. Так, в частности, относительно «руководящих начал положительного права» Б.Н. Чичерин писал: «Он [законодатель] не может довольствоваться и указаниями жизненной практики, ибо представляет значительное разнообразие элементов, интересов и требований, которые приходят в столкновения друг с другом и между которыми надобно разобраться. Чтобы определить их относительную силу и достоинство, надобно

иметь общие весы и мерило, то есть руководящие начала, а их может дать только философия» [7, с. 2]. Продолжение этого направления встречается в работах многих авторов, в частности у Ф. Жени.

По его мнению, философское суждение об оценке интересов возникает прежде всего в казуистической и конкретной форме. Оно касается вопроса о юридической оценке значимости интереса в соответствии с идеей о возможности сосуществования и компромисса интересов.

Второй элемент интеллектуального процесса формирования права заключается в нормах права, которые, согласно концепции Ф. Жени, представляют собой *«утверждение соотношения преобладания или эквивалентности интересов, вытекающих из психологических реальностей, уже признанных и ранее переведенных в идеи (норма права)»* [14, р. 112]. Сознание человека, как полагал Жени, не останавливается лишь на нуждах примитивной и рудиментарной общественной жизни. Обнаруживая общие и схожие элементы, сознание стремится естественным образом удовлетворить свое инстинктивное стремление к единству знания. Причем это стремление оказывается настолько сильным, что не уступает стремлению облегчить задачу по созданию правового порядка, соответствующего цели интеллектуального процесса возникновения права. Здесь, вмешиваются абстракции и обобщения (часто вызванное сравнением), посредством которых ум юриста абстрагирует некоторые понятия.

Третий элемент процесса образования права – правовая система. «Внутренние операции, – писал Ф. Жени, – сопровождаются формальными процедурами, которые переводят их результаты в выразительные и упорядочивающие элементы: слова или термины, определения, деления, классификации, категории. Они дополняют друг друга посредством рассуждений и процессов чистой логики, которые оплодотворяют и развивают идеи однажды приобретенные, следуя естественным законам разума и основным руководящим принципам всякого знания: индукции, дедукции, анализа, синтеза, сравнения, аналогии. Эта сложная разработка имеет тенденцию к систематизации правовых понятий и норм ...» [14, р. 112], *«стремясь использовать все свои ресурсы для того, чтобы как можно более объективно сформулировать идеи и их взаимоотношения и согласовать эти формулы в единое целое, способное превратить их в единое целое в соответствии с самыми*

глубокими требованиями нашей природы (система права)» [14, р. 112].

Наконец, четвертый элемент возникает на той стадии, когда юристы начинают образовывать правовые понятия без учета тех обстоятельства реальной жизни, с которыми из изначальное возникновение было связано. Этот момент Жени называл «царством понятия», изолированного от интересов, которое организуется в соответствии со своей собственной природой и сочетается с другими понятиями того же рода, чтобы образовывать чистую правовую конструкцию, построенную в абстракции и только усилиями мысли (конструирование права) [14, р. 113].

Ф. Жени писал: «На этом последнем этапе интеллектуального развития позитивного права, выражаясь в абстрактном построении, логическое рассуждение остается единственным воплощением понятий, которые оно организует для целей теорий. Реальности исчезли, идеи, как правило, застывают в словах, суждения переходят в формулы. Система права складывается в обширную схему с многочисленными, жесткими отсеками, разделенными перегородками. Юридический дух победил социальную материю и властно, капризно даже подчиняет ее своим требованиям. Так завершается прогресс, который можно отметить, в участии интеллекта в разработке права» [14, р. 114]. Одним словом, – резюмировал Жени, – общий и постоянный смысл этого прогресса в том, что «он постепенно превращает этические или экономические элементы, лежащие в фундаментальной основе юриспруденции, в логические элементы, которые, как представляется, способны обеспечить верховенство права – последнюю цель всей организации» [14, р. 114].

У Жени, как и у Иеринга, речь шла о социально-психологических реалиях права, так как его интерпретация психологический реалий включает в себя прежде всего то, что именуется мотивами социального поведения – этическими и экономическими. На основе этой же модели построена социология права М. Вебера [1]. Е.В. Тимошина применительно к творчеству Л.И. Петражицкого также убедительно и глубоко продемонстрировала социолого-правовую направленность его психологических аргументов, используемых для обоснования права [6].

По мнению Ф. Жени, любое понятие реальности, какой бы она ни была, имеет смысл как основание для выведения из нее всех

последствий, включенных в нее, следуя логике; и эта дедукция представляется единственным, признанным всеми способом утверждения реального, исходя из определения его содержания. Такая процедура, только способная оплодотворить науку и приспособить ее к жизненным потребностям, бесспорно необходима в позитивном праве, как и в любом другом порядке познания и действия. Тем более, что позитивное право, имеющее своей целью наметить для людей в определенной сфере такие точные и надежные правила поведения, может развиваться и достичь полного эффекта только при условии соблюдения общих требований разума, который, просветив волю, сумеет заставить ее следовать предписанному правилу [14, р. 123].

Ф. Жени писал: «Формальная логика, сама по себе уверенная в своих процессах, не может подкреплять эффективную работу чистыми интеллектуальными сущностями, не зависящими от фактов. Она дает плодотворные результаты, лишь маневрируя на жизненном поприще и прочно опираясь не на понятия или символы, а на принципы, которые заслуживают этого названия лишь тогда, когда под их более или менее искусственными формулами обнаруживаются подлинные обобщения реальностей. Все эти выводы, впрочем, остаются лишь в области собственно знания. Как только человек переходит к действию, возникает необходимость исследовать, не может ли использование чистых операций разума быть самостоятельной силой, способной изменить саму реальность, с учетом практических потребностей жизни» [14, р. 135].

Французская социально-философская и юридическая литература, начиная с эпохи энциклопедистов, в значительной степени определила теоретический и методологический каркас «онаучивания» познания права. Смысл последнего состоит в такой дисциплинарно-предметной организации правопознания, которая, в отличие от прежнего философского подхода, опиралась на принципы научности познания в области естественных наук. В такой парадигме правопознание тенденциозно развивалось от спекулятивных методов рационалистической философии права к принципам реалистического понимания права и соответствующей гносеологии. Если немецкие современники апеллировали к принципу историзма, то во французской социально-философской и юридической литературе центральное место

занимал принцип социологического познания права. Направления правового реализма, появившиеся позднее, в XX в., демонстрируют в основном лишь его трансформацию и преимущественно психологические модификации. Наиболее последовательную позицию в разработке реализма в области юриспруденции занимал Ф. Жени, по мнению которого возможна «умеренная» конструкция правового реализма, сочетающая принципы и аналогии из области естественных наук с идеей социологической морали.

Литература

1. Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации. М., 2018. 355 с.
2. Графский В.Г. Государство и технократия: ист.-критич. исслед. М., 1981. 288 с.
3. Деларов П. Очерки по энциклопедии права: Очерк 1. О праве в ряду других сфер умственной жизни человека. Т. 1. СПб., 1878. 552 с.
4. Луковская Д.И. Социологическое направление во французской теории права. Л., 1972. 128 с.
5. Сен-Симон К.А. Избранные сочинения. М.; Л., 1948. Т. 1. 468 с.
6. Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 551 с.
7. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. 341 с.
8. Comte A. Cours de philosophie positive. T. 1 = Leçon 1/45: Philosophie première. Paris, 1975. P. 31–32.
9. Comte A. Rede über den Geist des Positivismus, hrsg. von Iring Fetscher, Hamburg 1956, 1. Teil, 3. Kap., I. S. 31.
10. Dingler H. Die Grundgedanken der Machschen Philosophie: mit Erstveröffentlichungen aus seinen wissenschaftlichen Tagebüchern / von Hugo Dingler. Leipzig : Barth, 1924. 106 S.
11. Dingler H. Der Zusammenbruch der Wissenschaft und der Primat der Philosophie / von Hugo Dingler. München : Reinhardt, 1926. 400 S.
12. Gény F. Des droits sur les lettres missives étudiés principalement en vue du système postal français : Essai d'application d'une méthode critique d'interprétation / par François Gény. T. 1. Paris, 1911. XLII, 400 p.
13. Gény F. Des droits sur les lettres missives étudiés principalement en vue du système postal français : Essai d'application d'une méthode critique d'interprétation / par François Gény. T. 2. Paris, 1911. 452 p.
14. Gény F. Science et technique en droit privé positif : nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique / François Gény. 1: Introduction, Première Partie : position actuelle du problème du droit positif et éléments de sa solution. Paris : Recueil Sirey, 1914. XIII, 212 p.
15. Gény F. Science et technique en droit privé positif : nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique / François Gény. 2: Élaboration scientifique du droit positif <L'irréductible "droit naturel">. Paris : Recueil Sirey, 1915. 422 p.
16. Gény F. Science et technique en droit privé positif : nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique / François Gény. 3: Élaboration technique du droit positif. Paris : Recueil Sirey, 1921. XVI, 522 p.
17. Lévy-Bruhl L. La morale et la science des mœurs, 3e éd., Paris, 1907. 300 p.
18. Marcuse H Die Geschichtsphilosophie A. Comtes, Stuttgart 1932. XII, 182 S.
19. Spencer, System der synthetischen Philosophie, V. Bd., Die Principien der Psychologie, II. Bd., nach der 3. engl. Aufl. übers. von Vetter, Stuttgart 1875.
20. Taine H. De l'intelligence. T. 1. 4. Edition. Paris, 1883.
21. Thomas J. O'Toole, The Jurisprudence of Francois Geny // Villanova Law Review. Vol. 3. 1958. P. 458-465.

References

1. Gorban' V.S. Pravovoe uchenie Ieringa i ego interpretacii. M., 2018. 355 p. (in Russian)
2. Grafskij V.G. Gosudarstvo i tekhnokratiya: ist.-kritich. issled. M., 1981. 288 p. (in Russian)
3. Delarov P. Oчерki po enciklopedii prava: Oчерk 1. O prave v ryadu drugih sfer umstvennoj zhizni cheloveka. T. 1. SPb., 1878. 552 p. (in Russian)
4. Lukovskaya D.I. Sociologicheskoe napravlenie vo francuzskoj teorii prava. L., 1972. 128 p.
5. Sen-Simon K.A. Izbrannye sochineniya. M.; L., 1948. T. 1. 468 p. (in Russian)
6. Timoshina E.V. Teoriya i sociologiya prava L.I. Petrazhickogo v kontekste klassicheskogo i postklassicheskogo pravoponimaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2013. 551 p. (in Russian)
7. Chicherin B.N. Filosofiya prava. M., 1900. 341 p. (in Russian)
8. Comte A. Cours de philosophie positive. T. 1 = Leçon 1/45: Philosophie première. Paris, 1975. P. 31–32.

9. Comte A. Rede über den Geist des Positivismus, hrsg. von Iring Fetscher, Hamburg 1956, 1. Teil, 3. Kap., I. S. 31.

10. Dingler H. Die Grundgedanken der Machschen Philosophie: mit Erstveröffentlichungen aus seinen wissenschaftlichen Tagebüchern / von Hugo Dingler. Leipzig: Barth, 1924. 106 S.

11. Dingler H. Der Zusammenbruch der Wissenschaft und der Primat der Philosophie / von Hugo Dingler. München: Reinhardt, 1926. 400 S.

12. GénY F. Des droits sur les lettres missives étudiés principalement en vue du système postal français : Essai d'application d'une méthode critique d'interprétation / par François GénY. T. 1. Paris, 1911. XLII, 400 p.

13. GénY F. Des droits sur les lettres missives étudiés principalement en vue du système postal français : Essai d'application d'une méthode critique d'interprétation / par François GénY. T. 2. Paris, 1911. 452 p.

14. GénY F. Science et technique en droit privé positif : nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique / François GénY. 1: Introduction, Première Partie : position actuelle

du problème du droit positif et éléments de sa solution. Paris : Recueil Sirey, 1914. XIII, 212 p.

15. GénY F. Science et technique en droit privé positif : nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique / François GénY. 2: Élaboration scientifique du droit positif <L'irréductible "droit naturel">. Paris : Recueil Sirey, 1915. 422 p.

16. GénY F. Science et technique en droit privé positif : nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique / François GénY. 3: Élaboration technique du droit positif. Paris : Recueil Sirey, 1921. XVI, 522 p.

17. Lévy-Bruhl L. La morale et la science des mœurs, 3e éd., Paris, 1907. 300 p.

18. Marcuse H Die Geschichtsphilosophie A. Comtes, Stuttgart 1932. XII, 182 S.

19. Spencer, System der synthetischen Philosophie, V. Bd., Die Principien der Psychologie, II. Bd., nach der 3. engl. Aufl. übers, von Vetter, Stuttgart 1875.

20. Taine H. De l'intelligence. T. 1. 4. Edition. Paris, 1883.

21. Thomas J. O'Toole, The Jurisprudence of Francois Geny // Villanova Law Review. Vol. 3. 1958. P. 458-465.

GRUZDEV Vladimir Sergeevich

PhD in Law, Senior Researcher,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow

FRENCH SOCIOLOGICAL (SOCIAL-POSITIVIST) LEGAL REALISM

Abstract. *The article deals with the specifics and content of the main problems and directions of the development of French legal thought from the point of view of the formation of the realist direction in jurisprudence. The problem of realism in jurisprudence is presented in a number of modern studies as one-sided and inaccurate, namely, as reduced to a set of regional schools in the United States and the Scandinavian countries. The study of the history of legal thought of the "era of realism" of the XIX century in the classical European tradition allows us to clearly clarify the inaccuracies of this approach. Along with other types, one of the most important areas of legal realism was French literature – from encyclopedists to the theoretical concept of "moderate legal realism" by F. Geny. The study clarifies some important aspects in relation to the philosophical and methodological foundations of realism in jurisprudence, analyzes the original foreign sources.*

Keywords: *French legal thought, legal realism, metaphysics, legal knowledge, legal reality, Geny, Taine, Comte, Levi-Bruhl.*